

Древнейшие урало-алтайские языковые контакты.

Параллели в уральских и тюркских, позже в алтайских языках издавна привлекали внимание исследователей. Первым, кто привел конкретные параллели между уральскими и тюркскими языками, был, вероятно, Г.В.Лейбниц (1646-1716) (см. подробнее Sinor 1988).

После возникновения сравнительно-исторического языкознания и выделения нескольких больших языковых семей в XIX в. начали появляться работы, в которых исследовалось сходство между уральскими и алтайскими языками. Сначала они были посвящены анализу лексики (см. Castrén 1861; Donner 1874-1888), затем сходству в области грамматики и синтаксиса (Winkler 1884, 1909, 1915).

Но эти исследования основывались на очень ограниченном фактическом материале, и поэтому большинство наблюдений, которые были в них сделаны, в настоящее время уже утратили актуальность. Настоящий прогресс в исследовании сходства уральских и алтайских языков был возможен лишь при выходе на новый этап исследований в области сравнительно-исторической уралоистики и алтаистики.

В работах Иллич-Свитыч 1971, Stachowski 2001 можно найти интересное описание того, как постепенно формировались эти дисциплины (см. подробный анализ литературы в этих работах). Все авторы, занимающиеся историей лингвистики, солидарны в том, что прогресс в области сравнительно-исторического финноугроведения и шире уралоистики был достигнут значительно раньше, чем в алтаистике. Уже к 20-30 гг. XX в. становятся ясны основные очертания уральского праязыка. В работе Collinder 1965 приводятся материалы к уральскому этимологическому словарю и предлагаются основные фонетические соответствия между уральскими языками, которые и в наши дни в несколько модифицированном виде используются уралоистами во всем мире.

В алтаистике в конце 50-ых годов XX в. не было единого мнения по поводу состава семьи языков (речь идет о принадлежности к алтайской языковой семье тюркских, тунгусских и монгольских языков; согласие по поводу принадлежности к алтайским языкам корейского и японского языков, насколько нам известно, не достигнуто и по сей день). В частности в работе Sinor 1948 автор склонен делить «урало-алтайские языки» на тюрко-уральскую и тунгусо-монгольскую подгруппы.

Важный шаг в урало-алтайских штудиях был сделан М.Рясяненом (Räsänen 1955). В его исследованиях впервые точность обработки алтайского материала может быть сравнима с точностью обработки уральского¹.

Не имея возможности в этой статье подробно останавливаться на истории изучения урало-алтайских языковых отношений, отметим, что в большинстве работ этого периода вплоть до конца XX в. основное внимание исследователей было направлено на поиск генетически общих лексических и морфологических архаизмов в уральских и алтайских языках.

Конечно, в этом поиске революционной была работа В.М.Иллича-Свитыча (Иллич-Свитыч 1971), в которой системным образом было доказано, что уральские и алтайские языки наряду с индоевропейскими, картвельскими, дравидийскими и семитохамитскими² принадлежат к ностратической семье языков. В.М.Иллич-Свитыч предложил фонетические соответствия, которые связывают архаическую лексику в этих языках. Эти соответствия и собранный им словарь ностратического праязыка доказывают, что предыдущие исследователи, которые занимались сепаратными индоевропейско-уральскими, урало-алтайскими, урало-дравидийскими лексическими и грамматическими сходствами анализировали лишь «верхушку айсберга».

¹ См. в работе Stachowski 2001 чрезвычайно интересный анализ лингвистических и экстралингвистических факторов, которые привели к отставанию в изучении тюркских языков по сравнению с уральскими.

² В более поздних исследованиях принадлежность семито-хамитских языков к ностратическим была поставлена под сомнение (ср. Старостин 2006, с. 768-770).

Надо сказать, что после публикации революционного открытия В.М.Иллича-Свитыча и его скоропостижной кончины последовали десятилетия, когда существенных открытий в области ностратики сделано не было. На Западе ностратическая теория до сих пор не является общепризнанной. Российские исследователи сконцентрировались на улучшении качества этимологической обработки и уточнении набора фонетических соответствий в отдельных ностратических семьях, в частности алтайских. В 1991 году С.А.Старостин доказал генетическую принадлежность японского языка к алтайским языкам (см. Старостин 1991). В последующие годы С.А.Старостин, А.В.Дыбо и О.А.Мудрак объединили усилия в создании алтайского этимологического словаря. Публикация EDAL ознаменовала начало «новой эры» в сравнительно-историческом изучении алтайских и шире ностратических языков. Несмотря на наличие некоторых не вполне надежных семантических и фонетических сближений в корпусе этого словаря, которые, видимо, неизбежны в первом издании этимологического словаря любой достаточно древней семьи языков, в настоящее время исследователи ностратического праязыка и урало-алтайских отношений могут работать не с сепаратным материалом тюркских, тунгусских, монгольских языков, а с праязыковой лексемой, из которой по фонетическим соответствиям могут быть выведены формы в языках-потомках.

Но обратимся к мысли, которую высказывает в своей монографии М.Стаховский (Stachowski 2001). Он отмечает, что, судя по количеству исследований XX в., посвященных изучению родства уральских и алтайских языков, можно предположить, что «родственные отношения между уральскими и алтайскими языками исчерпывали всю палитру отношений, существовавшую между этими языковыми семьями». Конечно, это не так. Между уральскими и алтайскими языками после их генетического разделения многие тысячелетия существовали интенсивные языковые контакты.

По мнению М.Стаховского, появление работ Я.Пустаи (Pusztay 1988, 1990, 1995, 1996, 1998) ознаменовало новый этап в изучении урало-алтайских отношений. В этих статьях и монографии автор специально подчеркивает, что исследует не генетически общие элементы в уральских языках, а ареально возникшие сходства. В последние годы это направление исследований становится все более популярным на Западе и в некоторых российских регионах (особенно хочется отметить достижения новосибирских ученых) (см. подробную библиографию в работе Stachowski 2001).

Но, как совершенно справедливо отмечают в своих исследованиях М.Стаховский и А.Рона-Таш (Róna-Tas 1983), анализ урало-алтайских отношений только с точки зрения ареально-типологических сходств тоже является неполным. Ученые, занимающиеся поиском синхронных общих элементов, часто не могут правильно оценить статус тех или иных схожих черт в лексике или грамматике. Возникли ли они под влиянием контактов между языками, являются общим праязыковым наследием в уральских и алтайских языках (или представляют собой типологическую фреквенталию).

В 2001 году М.Стаховский написал: «пришло время для перехода на новый уровень изучения урало-алтайских отношений: необходимо научиться различать генетически общие элементы в уральских и алтайских языках и те, которые возникли в результате контактов» (Stachowski 2001).

Представляется, что при переходе на этот новый уровень исследований российские ученые находятся в наиболее выгодном положении. С одной стороны, они имеют прекрасную подготовку в области сравнительно-исторического языкознания (ср. достижения московских ученых, как в области ностратики³, так и в области уральского и

³ Ср. доклад А.В. Дыбо на конференции «Актуальные вопросы сравнительно-исторического языкознания и дальнее родство языков» (РГГУ; 24 марта 2006), посвященный уточнению реконструкции аффрикат и фрикативных, доклад М.А.Живлова на конференции «Проблемы изучения дальнего родства языков» (РГГУ, 25-28 марта 2008 г.), посвященный соответствиям между срединными кластерами в уральской и алтайской реконструкциях и сочетаниями ларингал+С в индоевропейской реконструкции.

алтайского сравнительно-исторического языкознания⁴). С другой стороны, работы российских ученых отличает пристальное внимание к живым уральским и алтайским языкам: постоянные экспедиции к носителям языков⁵, работа в архивах с неизданными материалами по языкам Сибири⁶ дают возможность собрать и отследить инновационные и архаические особенности, возникающие в современных уральских и алтайских языках.

Конечно, задача комплексного (сравнительно-исторического и ареально-типологического) изучения урало-алтайских языковых отношений – это дело не одного десятилетия. Представляется, что в разработке этого направления должны быть объединены усилия специалистов из разных областей, не только лингвистов, но и историков. Необходимо и дальнейшее тесное сотрудничество между московскими учеными и исследователями из регионов, которые благодаря постоянным экспедициям к носителям уральских и алтайских языков имеют в своем распоряжении обширнейшие материалы по бесписьменным языкам, которые часто находятся на грани исчезновения, и должны быть, как можно более полно задокументированы в кратчайшие сроки.

В рамках настоящего проекта «Статус древнейших урало-алтайских языковых отношений» нами были поставлены и выполнены следующие конкретные задачи. Ниже мы кратко сформулировали эти задачи и привели несколько примеров их решения.

1) Уточнение реконструкции прауральского языка (ПУ) и дочерних языковых семей.

- а) уточнение фонетической реконструкции.

В этом году была опубликована монография Норманской Ю.В. «Реконструкция прафинно-волжского ударения» – М.: Тезаурус, 2008. – 370 с. Эта монография посвящена реконструкции прафинно-волжского ударения.

Одной из самых трудноразрешимых проблем в уралистике является реконструкция системы вокализма. Родство прауральских языков считается общепризнанным, в этимологический словарь уральских языков (UEW), по мнению специалистов, вошли этимологии с очень надежными в отношении консонантизма и семантики рефлексам по языкам. Однако даже на материале этимологий UEW в настоящее время не сделано системное описание развития системы вокализма. От надежной и полной реконструкции уральского вокализма можно было бы ожидать, что на ее основании выполняемая следующая задача: имея реконструированную форму уральской основы, с помощью предложенных правил фонетического перехода (и, возможно, дополнительных

⁴ Создание EDAL, дальнейшие существенные дополнения к сравнительной фонетике и этимологии обеих семей. В первую очередь это касается реконструкции алтайской и уральской вокалических систем. Алтайский вокализм в общих чертах реконструирован С.А.Старостиным, А.В.Дыбо и О.А.Мудраком в EDAL; но новые данные по реконструкции тюркского вокализма и вокально-консонантных сочетаний, полученные А.В.Дыбо и О.А.Мудраком (см. СИГТЯ 2002, 2006), по реконструкции тунгусо-маньчжурского вокализма с учетом морфонологии именных и глагольных основ и сложных развитий первоначально десингармонистических сочетаний (см. Дыбо 2000), по-видимому, позволят значительно уточнить общепрауральскую реконструкцию. Что касается уральской части, то объединение усилий, предпринимаемых в последнее время Ю.В.Норманской (Норманская 2006, 2008 (1, 2, 3, 4), 2009), К.Ю. Решетниковым (Решетников 2007) и М.А.Живловым (Живлов 2006) обеспечили устойчивый прогресс в разработке этой "вечной проблемы".

⁵ Ср. в последние годы: экспедиция в д. Балыкча Кош-Агачского р-на (северный вариант теленгитского диалекта алтайского языка, 7-18 июля 2006 г. Руководитель: Дыбо А.В. Для настоящего проекта важен результат инструментально-фонетического обследования полного списка балыкчинских односложных основ. Независимо на трех информантах удалось выявить квазифонологические фонационно-тоновые противопоставления (просодического характера), в основном соответствующие фонационным противопоставлениям качинского диалекта хакасского языка (описанные в статье Дыбо 1986; там же устанавливаются их связи с признаком, записанным как маргинальная долгота для чулымско-тюркского) и тоновым противопоставлением, установленным в тувинском языке экспедицией МГУ под руководством А.Е.Кибрика в 1989 г. и тогда же подтвержденным независимым обследованием информанта, проведенным А.В.Дыбо и О.А.Мудраком. Экспедиция в д. Казановка Аскизского р-на (сагайский диалект хакасского языка, 3-18 сентября 2007 г.

⁶ В частности, работа в «Лаборатории языков Сибири» в Томском педагогическом университете с архивом, собранном АПДульзоном и последующими сибирскими исследователями.

объяснений, основанных на предположении аналогических развитии) вывести формы тех языков, на которых построена эта реконструированная форма. Однако даже описание развития вокализма от прафинно-угорского языка к современному мордовскому⁷ языку выглядит не вполне системно.

В книге Г. С. Ивановой (Иванова 2006, с. 127), посвященной историческому описанию вокализма в мокшанском языке, схема развития гласных от прафинно-угорского языка к мокшанскому выглядит так:

ФУ	ПМ	морд. (I ⁸)	морд. (II, III ⁹)
* <i>ü</i>	<i>e, i, u, o, ə</i>	<i>e, i, u, o, 0</i>	<i>i, i//ə, u, ə, o, 0</i>
* <i>i, *ī</i>	<i>i, e, ə</i>	<i>i, e, 0</i>	<i>i, 0</i>
* <i>ä</i>	<i>ä, a, e, i</i>	<i>ä, a, e, i</i>	<i>e, a, i, i//ə</i>
* <i>e</i>	<i>e, i</i>	<i>e, i</i>	<i>i, i//ə</i>
* <i>a</i>	<i>a, u</i>	<i>a, u</i>	<i>a, u//ə</i>
* <i>o</i>	<i>o, u</i>	<i>o, u, ə</i>	<i>o, u//ə</i>
* <i>u, *ū</i>	<i>u, o, ə</i>	<i>u, o, ə</i>	<i>u, u//ə, o, 0</i>
* <i>ē</i>	<i>ä, i</i>	<i>ä, i</i>	<i>e, i</i>
* <i>ō</i>	<i>a, u</i>	<i>a, u</i>	<i>a, u</i>

Часто финно-угроведы даже не пытаются предложить системных объяснений для появления всех рефлексов праязыковых гласных, а удовлетворяются тем, что отмечают наиболее частотный рефлекс.

Действительно ли неосуществимо системное описание развития прауральского вокализма? Правы ли те исследователи, которые утверждают, что в основном фонетические переходы в системе прауральского вокализма были несистемными и аналогическими? Или все-таки возможно системно описать изменения вокализма от прауральского к современным языкам, принимая во внимание какие-то ранее неучтенные лингвистические факторы? Выявление этих факторов и построение системного описания развития вокализма представляется чрезвычайно актуальным.

В монографии решаются пять задач уральского сравнительно-исторического языкознания, которые кажутся на первый взгляд не связанными между собой:

- 1) генезис систем вокализма в современных мордовских языках,
- 2) условия распределения основ по двум типам спряжения в марийском языке,
- 3) происхождение третьего типа склонения существительных (с основой на ударные гласные) в марийском языке,
- 4) происхождение редуцированных гласных в марийском языке,
- 5) генезис системы вокализма в саамском языке.

Эти вопросы были в последнее столетие предметом оживленных дискуссий. Удовлетворительные ответы на них до сих пор не найдены.

Основная цель работы - доказать, что эти далекие от друга фонологические и грамматические явления развивались в зависимости от одного и того же ранее не учитывавшегося праязыкового фактора, а именно подвижного ударения, не фиксированного грамматически или фонетически. Для прафинно-волжского языка реконструируется место этого ударения (на корне или на окончании), которое без изменения сохранилось в современном мокшанском языке.

- б) увеличение корпуса сравнений, обработка существующих этимологий.

⁷ Считается, что наиболее хорошо описано развитие вокализма в прибалтийско-финских, саамском и мордовских языках.

⁸ I тип говоров – акающий (традиционно центральный диалект и северо-западная группа говоров западного диалекта).

⁹ II тип говоров – икающий (традиционно юго-восточный диалект и юго-западная группа говоров западного диалекта).

III тип говоров – экающий или переходный.

В настоящее время мы работаем над увеличением корпуса уральского этимологического словаря. Надо отметить, что прасамодийский словарь Ю.Янхунена (SW) невелик по объему, и далеко не все этимологии из этого словаря имеют уральские этимологии. В результате наших исследований мы пришли к выводу, что корпус прасамодийских этимологий может быть значительно увеличен, и для многих из них удастся предложить уральские этимологии. В настоящее время корпус прауральских этимологий увеличен нами на 150 лексем. И это бесспорно является только началом.

Вот некоторые примеры новых прауральских этимологий:

ПУ *kase 'роса, иней': фин. *kasi, kaste* 'роса'; эст. диал. *kasi*; саам. (In.) *kásaniđ* 'kostua'; хант. (DN) *kelə* 'роса'; ман. (LU) *kǝ́lǝ́-: kǝ́lǝ́-wuǝ́* 'роса'; ПС *kətV 'иней'; энец. *kodi?* 'иней'; селькуп. *qád* 'иней', Быконя 2005, 63; SSA I, 323, 325; DEWOs 620.

Финно-угорская этимология в полном объеме впервые предложена в SSA I, 323. Мы предлагаем добавить сравнение с ПС *kətV 'иней'; энец. *kodi?* 'иней'; селькуп. *ка́дьк* 'иней'. Фонетически это сравнение хорошее. Развитие ПУ *a > ПС *ə встречается в ряде этимологий UEW, например, ПУ *čancV ~ *čacV 'schreiten, gehen', UEW, 53 > ПС *tǝ́ntǝ́-; *jaka- 'teilen, scheiden, trennen', UEW, 87 > ПС *jǝ́kə и т.д. Семантическое соотношение значений рефлексов ПУ *kase: ФУ 'роса' ~ ПС 'иней' встречается достаточно часто, например, на синхронном уровне такая многозначность представлена в коми *puž* (S Реç. Р) 'иней, роса'.

ПУ *acV 'холодная погода, север': морд. *ušo* 'наружность, погода', Raasonen, 2488; хант. (V, Vj) *ətəy*, (DN, Kг) *ətək*, (Ni) *ışkə, ıřkə, ąřkə (š)*, (Kaz) *ıřki* 'мороз', DEWOs, 224; ман. *áserem* 'холодный, холод, мороз', Munkácsi 1986, 53; венг. *észak* 'Norden', EWUng, 336; ПС *osVtV-: матор. *osderá* 'стужа', Helimski 1997, 331.

Это сравнение предложено нами. В EWUng, 336 предлагается объяснять *észak* 'Norden' как композит *é-* и *szak* 'Teil'. Однако это объяснение кажется сомнительным. Аналогичное развитие вокализма в венгерском языке наблюдается в ПУ *racV > венг. *rés* 'Lücke, Öffnung, Ritze, Spalte'. Принадлежность мордовского слова к этой этимологии не вполне надежна по семантическим причинам. Фонетически морд. *ušo* 'наружность, погода' является стандартным рефлексом ПУ *acV 'холодная погода, север' при предположении, что в прафинно-волжском языке ударение падало на второй слог *acé (см. Норманская 2009).

Происхождение матор. *osderá* 'стужа' по мнению Е.А.Хелимского не вполне ясно. Он предлагает трактовать это слово не как существительное, а как глагольную форму со значением 'es friert' (см. Helimski 1997, 331). Но в предложенном нами сравнении нет необходимости постулировать в маторском языке глагольную форму.

ПУ *wäiV- 'дух, божество': саам. *vealga* (N) 'Geist', Sammallahti, Nickel 2006, 729; морд. (E) *ulǝ́gaj* 'духи-покровители поля', Raasonen, 2450, *ulǝ́tava* 'имя владительницы Земли', Raasonen, 2452; хант. (Trj) *улэр*, (KoP) *-ūtəp*, (Ni) *wūtəp*, (Kaz) *wüləp*, (Kaz) *wuləp* 'злой дух', DEWOs, 85; манс. (So) *ūlpǝ́*; ПС *ilkV: нен. *ijleka* '1) злое страшное сверхъестественное существо, вызывающее болезнь, 2) черт, 3) перен. волк', Терещенко 1965, 409; селькуп. *ylkáj* 'черт, дьявол! (бранное междометие)', Helimski 2007 (1).

В большинстве языков (за исключением саамского и хантыйского) имел место переход *wä- > u-. Такое развитие анлаутного сочетания достаточно часто встречается в уральских языках ср. ПУ *waja 'sinken, einsinken, untersinken', UEW, 551 > ман. (LM) *ujt-* 'hinuntersinken', (N) *uj-* 'sinken', *ujt-* 'versenken'; ПУ *wäje 'Schwiegersohn, Bräutigam',

UEW, 565 > морд. (M) *ov* 'Schwiegersohn'; ПУ **wolc* (**wōlc*) 'Stange', UEW, 579 > ПС **uj* 'Stange'. К сожалению, правила сохранения vs. исчезновения анлаутного **w*- еще не вполне изучены.

Развитие вокализма ПУ **u* > ПС **ǰ*, хотя и не является частотным, встречается и в ряде других этимологий из UEW, например, ПУ **kuge* 'Mond; Monat', UEW, 211 > ПС **kij*.

Привлекает внимание семантическое соотношение рефлексов этого слова. В мордовском и в саамском языке (если привлекать это слово в рассматриваемую этимологию) его рефлексы имеют значение 'добрые божества', а в обско-угорских и самодийских языках, наоборот, 'злой дух, черт'. Аналогичное соотношение названий добрых и злых божеств наблюдается в иранских и индийских языках, то есть рефлекс одного и того же индоиранского слова обозначают в иранских языках доброе божество, а в индийских - злое и наоборот. К сожалению, в настоящее время известно крайне мало этимологий уральских божеств, для того чтобы делать культурно-исторические выводы о реалиях, приведших к таким соотношениям в названиях божеств в уральских языках. Возможно, дальнейшая этимологическая работа позволит увеличить количество реконструируемых реалий духовной культуры и расширить наши знания о соотношении мифологических сюжетов у западных и восточных уральцев.

ПУ **šula* 'дурак': фин. *hullu* 'blöde, verrückt', SSA, I, 182; эст. *hull* 'blöde'; морд. *šola* 'бездельник, лентяй', Paasonen 2242; хант. *leləm* 'Art Gespenst (бука), mit dem man den Kinder Angst macht, indem man den Pelz verkehrt anzieht', DEWOs 831; венг. *alamuszi* 'unbeholfen, unbeschikt', EWUng, 22; ПС **səla*: нен. *сă"ла* 'глупец, дурак'; энец. *sola* 'дурак'.

В угорских языках представлено не вполне стандартное развитие вокализма. Но в UEW аналогичное развитие вокализма встречается и в других этимологиях ср. ПУ **jukta*-*sprechen, erzählen*, UEW, 104 > венг. *játsz-* 'spielen, eine Rolle spielen, darstellen', *játek* 'Spiel'; ПУ **kurV* 'Korb, Fass aus Rinde', UEW, 219 > хант. *χerə* (DN), *χir* (O) 'Sack'.

Эта этимология интересна, во-первых, с точки зрения семантики. Во-вторых, как отмечается в работах Ю.Янхунена и П.Саммаллахти, неизвестны надежные прасамодийские соответствия ПУ **š*-. В этой, как представляется, очень надежной этимологии ПУ **š*- > ПС **s*-. Интересно, что такое развитие ПУ **š*- наблюдается и в ряде других, предложенных нами этимологий.

ПУ **pela* 'портить, тот, кто портит': саам. (N) *bilidit* 'kaputt machen', Sammallahti, Nickel 2006, 81, (I) *pille* 'ein Mensch oder ein Ren, das die Netze anknaht, Reisekosten auffrist', *tot lii taggaar pilli* 'er richtet nur immer Schaden an', Itkonen 1986-1991, II, 366; морд. (E) *pélas*, (M) *pélas* 'бешеный, неистовый', Paasonen, 1606; мар. *pūldaras̄* 'разорять кого-либо, что-либо', Васильев, Саваткова, Учаев 1991; хант. (Vj) *pil* 'дикий, сумасшедший (например, о лошади)', DEWOs, 1155; ман. *pāl* 'ломать, портить', Munkácsi 1986, 410; ПС **pāIV*: энец. *pcara-* 'сумасшедший', *pc?orabe-* 'неадекватный в поведении, crazy', *pcarako-* 'сошел с ума'; селькуп. ?? *Pal'na* имя фольклорного персонажа (богатырь в эпосе кетского происхождения); матор. ?? *hāla* 'Teufel', Helinski 1997, 239.

Маторское слово, возможно, следует сравнивать с энец. *barut'i* 'чудовище, страшилище, нечистая сила (фольклорно-мифологический персонаж)' и реконструировать ПС **pāIV* 'черт, нечистая сила', внешние параллели для которого пока неизвестны. селькуп. *Pal'na*

'имя фольклорного персонажа (богатырь в эпосе кетского происхождения)' может являться как рефлексом ПС **pálV*, так и рефлексом ПС **páIV*.

ПУ **turke* 'шерсть, волосы': фин. *turki* 'шерсть, волосы', SSA III, 334; саам. *dor'/ká* (N) 'шерсть', SSA III 334; коми *tork* 'отходы волокна льна и конопли, пакля'; хант. (O) *tār* 'спутанные волосы', DEWOs 1462; ПС **tār* 'волосы на голове, перья', SW, 149; нен. *tār''* 'шерсть; мелкое перо птицы', Терещенко 1965, 638, *та''н(н)* 'коса, волосы, обмотанные косоплетками или заплетенные; косоплетка', Терещенко 1965, 645, *сэв' тар''* 'ресницы', Терещенко 1965, 579; энец. *taʔuʔ* 'коса из волос', Helimski 1997, *to'*, *tō'* 'волосы', *tarro* 'волосы на голове' (Katzschmann, Pusztay 1978, 220); селькуп. *шипать-тарыль* 'утиное перо', *šīpat tar*, *тӱгать-тарыль* 'гусиное перо' *tōkat tar*, *чингыль тарыль* 'лебяжье перо', *čīŋkił tar*, (Adj. -*ıł*); кам. *t'ər*, [*t'ər*], *t'er* 'волос, перо, щетинка', Donner 1944, 71.

Прасамодийская реконструкция **tār* 'волосы на голове, перья', SW, 149 – общеизвестна. В SSA III, 334 приводится финско-саамское сравнение. Мы предложили сравнить финско-саамские формы с самодийскими и добавить в эту этимологию коми и хантыйские формы, которые хорошо соответствуют как семантически, так и фонетически. В словаре Лыткин, Гуляев 1970 для коми слова предлагается другая этимология: мар. *törgaltaş* 'отклеиваться, отлипнуть, облупиться'; венг. *törni* 'ломать, дробить'. Эта этимология представляется менее убедительной.

ПУ *pačV* 'бобер': морд. *pača* (E M) 'выдра'; ман. *pusä* (N, LM, LU), *puŋ* (P) 'dickes Biber', Munkácsi 1986, 484; ПС **pučə* 'бобер', SW, 129; нен. *puddo*; энец. *purru*, селькуп. *puuc*, *pučo*, *puty*; кам. *puucugu*.

Как отмечается в работах Janhunen 1981, ПУ **č* не являлось частотной фонемой. Поэтому ее рефлекс в самодийских языках не вполне ясны. С этим нельзя не согласиться. Однако нам кажется правомерным сравнивать слова с инлаутным соответствием морд. **č* ~ ПС **c*. Такие соответствия есть и в корпусе UEW: морд. *čiče* (E) 'der Mann der Schwester, der älter ist als ich' ~ ПС **cicä* 'Onkel', UEW 34; SW 33. В мансийском языке стандартным рефлексом ПУ **č* является **s/š* по диалектам, например ПУ **čecä* > манс. *šäš* (KU), *sasiŋ* (SO) 'Onkel'. Но в слове манс. *pusä* (N, LM, LU), *puŋ* (P) 'dickes Biber' во всех диалектах представлено *s*. Поэтому принадлежность мансийского слова к этой этимологии не вполне надежна. В словаре Munkácsi 1986, 484 отмечается, что это слово в мансийский язык заимствовано из татарского языка, но конкретное слово не указывается. Поскольку соответствующее татарское слово нам неизвестно, а мансийское *pusä* (N, LM, LU), *puŋ* (P) 'dickes Biber' очень близко по фонетическому и семантическому облику к ПС слову, то можно предположить, что в *š*-диалекте (P) в мансийском языке представлено заимствование из *s*-диалектов (LU, LM). Развитие вокализма ПУ **a* > ПС **u*, хотя и не является частотным, встречается и в других этимологиях из UEW: ПУ **pačwe* (**patwe*) 'Zunderschwamm', 347 > ПС **puja*, 131. Неоднозначное семантическое соответствие морд. 'выдра' vs. ПС 'бобер' тоже объяснимым, поскольку как указывается в Богданов, Данилина, Долидзе, 2005 бобры были завезены в Мордовию 300 лет назад. Раньше бобры на территории Мордовии не водились.

2) Верификация гипотез о локализации прародин ПУ языка и дочерних семей уральских языков на основании реконструкции названий природного окружения.

Приведем лишь один пример уточнения локализации прародины.

На основании реконструкции названий животных и растений нам удалось уточнить локализацию финно-угорской прародины.

Для финно-угорского языка надежно реконструируются названия **so/a/eksV* 'сосна кедровая сибирская', **ku/ose* 'ель', **nulka* 'пихта', **näjV* 'лиственница', **raje* 'ива', **pVcV* 'ива', **pojV* 'осина', **kojwa* 'береза', **kučV* 'береза', **śala* 'вяз', **picla* 'рябина'.

Сопоставление ареалов распространения этих деревьев (за исключением вяза) дает две возможные локализации финно-угорской прародины в Волго-Камье и на юге Западной Сибири (ср. Деревья и кустарники СССР 1966).

Решающим для определения места локализации прародины мог бы быть фактор "вяза". Интересно, что по Деревья и кустарники СССР 1966 вяз не растет восточнее Урала. Однако, как отмечает Напольских 1997, вяз был представлен и сохраняется по сей день на юге Западной Сибири в бассейне Иртыша. Если принимать эти данные, то финно-угорская прародина может быть локализована как западнее Урала, так и в бассейне Иртыша.

В литературе, посвященной финно-угорским языкам (см. подробную библиографию в UEW, Напольских 1997), отмечается, что для финно-угорского языка реконструируется название овцы **uče* (UEW 541), что противоречит традиционному мнению о том, что финно-угры не знали скотоводства. Как справедливо указывает Напольских 1997, никакого дикого животного, напоминающего домашнюю овцу, в лесном ареале (За- и Приуралья), где принято локализовать прародину финно-угров, не существовало. Поэтому до настоящего времени оставалась загадкой надежная реконструкция названия домашней овцы для финно-угорского языка:

ФУ **uče* 'овца' UEW 541: 'Овца': фин. *uuhi* (gen. *uuhen*), диал. *uuhti*, *uutti*, *uuti*, *uti*, *utti*, *uttu*, *uuttu*, *utu* 'овца-самка'; эст. *uhe* (gen. *uhe*), диал. *uhi*, *utt* (gen. *ute*, *utu*); морд. *utsa* (E), *uča* (M); удм. *jž* (S), *əž* (K), *ǰž* (G); коми *jž* (S), *əž* (PO); хант. *ač* (V), *oš* (DN), *as* (O); ман. *ōš* (KU), *oš* (P), *ās* (So.); 'Шуба из овцы, овчина': мар. *əžya* (KB), *užya* (V) 'шуба'; удм. *jž-ku* 'овчина'; хант. *ačnǰ* (V), *ošnə* (DN) (> нен. *gāsni* 'овца, русская шуба из овцы'); 'Медведь': хант. *asnǰ* (O).

Посмотрим, реконструируются ли помимо названия овцы другие обозначения домашних животных для финно-угорского языка?

Традиционно восстанавливается еще одно название, вероятно, описывавшее крупное копытное домашнее животное:

ФУ **wādV* UEW 563 'корова, лошадь, олень': 'Корова': эст. *veis* (gen. *veise*, *veikse*), *vedis*, *vediks* (gen. *vedikse*); саам. *vāđok*, *vāđok* (N) 'молодая корова, которой больше двух лет' ?; морд. *vedraš* (E M), *vedaka* (E); 'Лошадь': удм. *val* (K G); коми *vel* (S), *vev* (P), *völ* (PO) (> мар. *wələ* (KB), *wülä* (V)); 'Олень': хант. *weli* (V), *wētə* (DN), *wülǰ* (Kaz.).

Реконструкция этого слова не вполне надежна как фонетически, так и семантически. Поэтому, вероятно, она серьезно и не учитывалась учеными, анализирующими возможность существования скотоводства у финно-угров (ср. Напольских 1997).

Мы предлагаем еще одну новую этимологию названия жеребца для финно-угорского праязыка. В UEW восстанавливается финно-пермское слово:

ФП **sonV* 'вид животного (молодой самец): бык, жеребец' UEW 614: Бык: фин. *sonni* (gen. *sonnin*); эст. *sõnn* (gen. *sõnni*) 'бык, жеребец'; 'Жеребец': эст. *sõnn* (gen. *sõnni*) 'бык, жеребец'; удм. (S) *čunǰ*, (K) *čunə*, (G) *čunǰ*; коми *čan* (S P PO) '.

К этому сравнению мы предлагаем добавить венгерское слово *csó'dör* 'жеребец'. Это слово традиционно считают заимствованием из тюркского ПТю **adgyr* 'жеребец', ЭСТЯ I, 107, что представляется крайне проблематичным по фонетическим причинам. Оно идеально соответствует ФП **cónV* как семантически, так и фонетически. Мы предполагаем правенгерскую форму **cón-t-Vr-*. Венгерские форманты *-t-*, *-r-* могут быть суффиксами (ср., например, ФУ **cúppV* 'сосуд, кастрюлька из бересты' > венг. *csupor* 'кастрюлька', UEW 45; ФУ **arV-* 'разрывать, рваться' > венг. *ár-* (диал.) 'гнить, становиться плохим', *árt-* 'вредить', UEW 17). Также отметим, что значение 'бык' встречается только в прибалтийско-финских языках, в эстонском наряду со значением 'жеребец'. Мы предлагаем реконструировать ФУ **cónV* 'жеребец'.

Таким образом, реконструируются не одно, а два надежных финно-угорских названия домашних животных ФУ **cónV* 'жеребец' и **uče* 'овца'. Представляется, что на этом основании можно предположить существование скотоводства у финно-угров.

Насколько соответствует выдвинутая лингвистическая гипотеза археологическим данным о существовании скотоводства на территории За- и Приуралья в III тыс. до н.э.?

По Петренко 1984, наиболее ранними находками в этом регионе следует считать кости **лошадей, овец и крупного рогатого скота** с поселения Муллино II (Правый берег реки Ирк, юлиз д.Муллино, Башкирская АССР VI-III тыс. до н.э.) и Виловатовской стоянки (Левый берег Самары, к северу от села Виловатое, Куйбышевская область. V-III тыс. до н.э.) и из энеолитического Хвалынского могильника лесостепного Куйбышевского Поволжья. Как указывает Г.Н.Матюшин (ср. Матюшин 1996), эти стоянки содержат остатки поселений с воротничковой керамикой. Такая форма керамики, кругло-донная с напылом у венчиков (воротничковая), присуща агидельской культуре.

3) Анализ древнейших контактов уральских языков на основании лексических заимствований.

- а) тщательная обработка существующих гипотез о древнейших контактах (анализ существующих заимствований, сбор нового материала).

Наиболее подробно нами были проанализированы материалы по древнейшим контактам носителей уральских и алтайских языков:

- был собран корпус прауральско-праалтайских сближений, которые с большой долей вероятности являются не ностратическими, а контактными (этимологические аналоги этих слов не представлены в других ностратических языках, прауральское и праалтайское слова практически идентичны по семантике и звуковому облику. Конечно, надо отметить, что на современном уровне разработанности ностратической теории практически невозможно абсолютно надежно различить контактную и генетически родственную лексику в уральских и алтайских языках). Выделенный корпус контактной лексики оказался сравнительно небольшим (порядка 20 слов). Интересно то, что среди этих сближений в алтайской лексике присутствуют практически исключительно такие слова, которые имеют рефлексy лишь в западно-алтайских языках (в тюркских, тунгусо-маньчжурских и монгольских). Предположительно, это может свидетельствовать о том, что контактов между праалтайцами и прауральцами (в VI тыс. до н.э.) не было. А контакты начались лишь в V-IV тыс. до н.э. между прауральцами и празападно-алтайцами после отселения корейцев и японцев. Косвенно, подтверждает выдвинутую гипотезу и

материалы С.А.Старостина, который показал, что контакты с древнекитайским языком были лишь у восточно-алтайских языков (корейского и японского) в IV-III тыс., после распада праалтайского единства.

- проанализирован материал по прасамодийско-тюркским и прасамодийско-тунгусо-маньчжурским лексическим контактам. Как справедливо отмечено в работе Хелимский 2000, прасамодийско-монгольской контактной лексики практически нет.

Корпус прасамодийско-тюркских сближений был подробно проанализирован в монографии Дыбо 2007. А.В.Дыбо рассмотрела список возможных заимствований в пратюркский из прасамодийского, приведенный в работе Хелимский 2000, 301–312. Оказалось, что большинство пратюркских слов, которые Е.А.Хелимский считал заимствованиями из прасамодийского, по EDAL имеют алтайскую этимологию. Лишь в двух случаях А.В.Дыбо считает, что предположение о заимствовании из самодийского языка более убедительно, чем алтайская этимология: ПСам. **koajə* ‘гора, водораздел’ > ОТ **K(i)aja* ‘скала, гора’. ПСам. **kāsa* ‘кора’ > ОТ **kās* ‘кора’.

А.В.Дыбо также проанализировала 21 возможное заимствование из пратюркского языка в прасамодийский, предложенные В.А.Терентьевым (Терентьев 1999, с. 182–194) и А. Рона-Ташем (Róna-Tas 1988, 743-745) (рассматриваются лишь те этимологии, которые достоверны семантически и фонетически и отвечают критерию культурной обусловленности).

Не вполне ясно, как следует интерпретировать тот факт, что два достоверных примера могут быть оценены как заимствования в общетюркский, т.е., возможно, после ухода болгарской группы. С другой стороны, фонетические особенности заимствований в прасамодийский явно указывают на пратюркское (формально, возможно, и на прабулгарское) состояние (специфическое отношение к тюркским **r* и **l*, которые, видимо, для заимствующей стороны больше похожи на *r* и *l*, чем на спиранты).

б) разработка новых направлений возможных контактов носителей уральских языков.

Чувашские заимствования в марийском языке уже неоднократно привлекали внимание ученых (ср. работы Räsänen 1920, Веке 1933, Веке 1935, Федотов 1968, Мудрак Дисс., Bereczki 1992, 1994). Традиционно считается, что, в основном, в марийский язык слова были заимствованы из современного чувашского языка (ср. Мудрак Дисс., Bereczki 1992, 1994) или из позднебулгарского, фонетическая система которого была во многом идентична современной чувашской (ср. Räsänen 1920). Однако, развитие гласных фонем в марийских заимствованиях, по мнению ряда ученых (ср. Bereczki 1992, 1994), не поддается системному описанию. Обычно это объясняется позднейшими марийскими инновациями в системе вокализма.

Мы предположили, что источником заимствований был не современный чувашский, а язык, в котором система фонем отличалась от современной чувашской. Она реконструируется как бы на стыке пратюркской и чувашской фонетических систем, а надежность ее реконструкции подтверждается марийскими заимствованиями. Ниже представлен инвентарь гласных фонем этой системы (более подробное описание см. в Норманская 2006)

Булгарские фонемы:

ПТю **e*, **ē* > Булг. **a* > Мар **á*, Чув. *a*.

ПТю **ε* > Булг. **e* > Мар **e*, Чув. *i*.

ПТю **a*, **ā*, **o* > Булг. **o* > Мар **ɔ*, Чув. *o*.

ПТю **u*, **ū*, **o*, **ö* > Булг. **u* > Мар **ũ*, Чув. *ǎ*, *ě*.

ПТю **ö*, **ü*, **ū* > Булг. **ü* > Мар **ũ*, **ö*, Чув. *ü*, *ě*.

ПТю **i*, **ö*- > Булг. **i* > Мар **ĩ*, Чув. *ě*, *i*.

ПТю *i > Булг. *i > Мар *ĩ, Чув. ă.

ПТю *a > Булг. *a > Мар *ũ, Чув. í.

? более ранние ПТю *ö, *õ > Булг. *ö > Мар *ö, Чув. ï.

После проведения подробного филологического анализа оказалось, что язык-источник марийских заимствований и волжско-булгарский язык эпитафий были весьма похожи. **Археологические материалы прямо подтверждают высказанную нами гипотезу об активных лингвистических контактах волжских булгар и марийцев.**

Изучение волжско-булгарских заимствований в марийский язык, число которых по словарю Федотов 1996 превышает 400, дает новый материал для истории становления чувашского языка, значение которого трудно переоценить. Чувашский язык – самый архаичный и наиболее рано отделившийся из тюркских языков, а данные по его истории до сих пор ограничивались весьма небольшим количеством волжско-булгарских эпитафий. Предложенная нами гипотеза о том, что язык-источник марийских заимствований был предком волжско-булгарского языка эпитафий, находится в полном соответствии с археологическими данными, и открывает новую страницу в изучении булгарской ветви тюркских языков.

Список сокращений.

ген. - генетив	ПС - прасамодийский
булг. - болгарский	ПТю - пратюркский
венг. - венгерский	ПУ - прауральский
диал. - диалект	саам. - саамский
камас. - камасинский	N - норвежско-саамский
коми	I - Инари
S - сысольский	селькуп. - селькупский
P - пермяцкий	удм. - удмуртский
PO - восточно-пермяцкий	S - сарапульский
манс. - мансийский	G - глазовский
KU - ниже-кондинский	K - казанский
So - сосьвинский	ФВ - финно-волжский
Lu - ниже-лозьвинский	фин. - финский
P - пельмский	ФП - финно-пермский
LM - средне-лозьвинский	ФУ - финно-угорский
N - северно-мансийский	хант. - хантыйский
LO - верхне-лозьвинский	V - ваховский
мар. - марийский	Vj - васюганский
V - ветлужский	DN -
KB - козмо-демьянский	верхнедемьянский
матор. - маторский	Ni - низямский
морд. - мордовский	O - обдорский
E - эрзянский	Kr - красноярский
M - мокшанский	Tj - тромъеганский
ненец. - ненецкий	Kaz - казымский
ОТ - общетюркский	чув. - чувашский
ПА - праалтайский	энец. - энецкий
ПМ - прамордовский	эст. - эстонский

Список литературы.

- Аникин, Хелимский 2007 – Аникин А.Е., Хелимский Е.А. Самодийско-тунгусские лексические параллели. М. 2007.
- Богданов, Данилина, Долидзе, 2005 – Богданов Е.В., Данилина Н.Р., Долидзе Э.В. У северной границы Мордовии // Заповедные острова № 88. М., 2005
- Бурькин 1992 – Бурькин А.А. История и культура эвенов // История и культура эвенов. Магадан, 1992.
- Быконя 2005 - Селькупско-русский диалектный словарь под ред. В.В.Быконя. Томск, 2005.
- Васильев, Саваткова, Учаев 1991 – Васильев В.М., Саваткова А.А., Учаев З.В. Марийско-русский словарь. Йошкар-Ола, 1991.
- Деревья и кустарники СССР 1966 – Лапин П.И. (ред.) Деревья и кустарники СССР. М., 1966.
- Дыбо 1986 –А.В.Дыбо К вопросу о хакасской просодии // Фонетика языков Сибири и сопредельных регионов. Новосибирск, 1986
- Дыбо 2000 – Дыбо А.В. Ассимиляция и аккомодация гласных в сингармонистических потомках десингармонистического языка // Евразийское пространство. Звук и слово.М., 2000.
- Дыбо 2007 – Дыбо А.В. Лингвистические контакты ранних тюрков. Лексический фонд. М., 2007.
- Живлов 2006 – Живлов М.А. Реконструкция праобскоугорского вокализма. Автореферат кандидатской диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Москва, 2006.
- Иванова 2006 – Иванова Г.С. Система гласных в диалектах мокшанского языка в историческом освещении. Саранск, 2006.
- Иллич-Свитыч 1971 – Иллич-Свитыч В.М. Опыт сравнения ностратических языков (семитохамитские, картвельские, индоевропейские, уральские, дравидийские, алтайские): Введение. Сравнительный словарь. / АН СССР. М. Наука, 1971.
- Лыткин, Гуляев 1970 – Лыткин В.И., Гуляев Е.И. Краткий этимологический словарь коми языка. М. 1970.
- Матюшин 1996 – Матюшин Г.Н. Археологический словарь. М., 1996.
- Мудрак Дисс. – Мудрак О.А. Обособленный язык и проблема реконструкции праязыка. Дис. ... докт. филол. наук. М., 1994.
- Напольских 1997 – Напольских В.В. Введение в историческую уралоистику Ижевск, 1997.
- Норманская 2006 – Норманская Ю.В. Реконструкция болгарской системы фонем на основании чувашских заимствований в марийском языке. // Сборник материалов конференции «Источники и периодизация истории чувашского языка», Чебоксары, 2006.
- Норманская 2008 (1) – Норманская Ю.В. Реконструкция названий растений в уральских языках и верификация локализации прародин уральских языков (прауральского, прасамодийского, прафинноугорского, прафиннопермского, праугорского, прафинноволжского). // Аспекты компаративистики III. М., 2008.
- Норманская 2008 (2) – Норманская Ю.В. Фонологические и этно-лингвистические характеристики языка-источника «чувашских» заимствований в марийском // Восток (Oriens) № 6, 2008.
- Норманская 2008 (3) – Норманская Ю.В. Происхождение спряжения в марийском языке и его связь с прамордовским ударением // Вопросы филологии № 2, 2008.
- Норманская 2008 (4) – Норманская Ю.В. Марийские редуцированные гласные первого слога - современная инновация или прамарийский архаизм? // Вестник Российского государственного гуманитарного университета, 2008.

- Норманская 2009 – Норманская Ю.В. Развитие вокализма в мордовском языке и реконструкция прамордовского ударения. // Вопросы языкознания. М., 2009, 1.
- Петренко 1984 – Петренко А.Г. Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Предуралья. М., 1984.
- Решетников 2007 – Решетников К.Ю. Дробление рефлексов прауральского *а в самодийском и венгерском// Конференция по уральским языкам, посвященная 100-летию К.Е.Майтинской. Тезисы и материалы. М., 2007.
- СИГТЯ 2002 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции. М., 2002.
- СИГТЯ 2006 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка. М., 2006.
- Спеваковский 1979 – Спеваковский А.Б. К проблеме этногенеза и ранней этнической истории тунгусов Сибири // Этнокультурные процессы в современных и традиционных обществах. М., 1979.
- Старостин 1991 – Старостин С. А. Алтайская проблема и происхождение японского языка. М., 1991.
- Старостин 2006 – *Старостин С.А.* Труды по языкознанию. М., 2006.
- Терентьев 1999 – Терентьев В.А. Древнейшие тюрко-самодийские языковые контакты // *Aikakauskirja*. JSFOu 88, 1999.
- Терещенко 1965 – Терещенко Н. М. Ненецко-русский словарь. М., 1965.
- ТМС - Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков, I, II. Л., 1975–1977
- Туголуков 1975 – Туголуков В.А. Конные тунгусы (этническая история и этногенез) // Этногенез и этническая история народов Севера. М., 1975.
- Федотов 1968 – Федотов М.Р. Чувашско-марийские языковые взаимосвязи в историческом освещении. Таллин, 1968.
- Хелимский 2000 – Хелимский Е.А. Компаративистика, Уралистика. Лекции и статьи. Москва 2000.
- ЭСТЯ – Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974-1980. Т. I-III; [Севортян Э.В., Левитская Л.С.] Этимологический словарь тюркских языков: Обще-тюркские и межтюркские основы на буквы "Ж", "Ж", "Й" / Авт. сл. статей Э.В.Севортян, Л.С.Левитская. М., 1989; дальнейшие тома - в рукописи. При ссылке на том ЭСТЯ указывается год выхода тома в свет. Отсутствие указания на год выхода тома в свет (нередко при этом указывается номер тома) свидетельствует о том, что читатель отсылается к материалам томов, еще не опубликованных).
- Beke 1933 – Beke Ö. Zu den tschuwassischen Lehnwörtern der tsche-remissischen Sprache. // MSFOu 67, 1933.
- Beke 1935 – Beke Ö. Zur Lautgeschichte der tschuwassischen Lehnwörter im Tscheremissischen. // ФУФ 23, 1935.
- Bereczki 1992, 1994 – Bereczki G. Grundzüge der tscheremissischen Sprachgeschichte I, II. // *Studia Uralo-altaica*, 34, 35, 1992-1994.
- Castrén 1861 – *Castrén M.A.* Ueber die Personalaffixe in den altaischen Sprachen. // *Castrén M.A* Kleine Schriften. SPb., 1862.
- DEWOs – Steinitz W. Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. Berlin, 1966.
- Donner 1874-1888 – Donner O. Vergleichendes Wörterbuch der finnisch-ugrischen Sprache. Helsinki, 1874-1888.
- Donner 1944 – Donner K. Kamassisches Wörterbuch nebst Sprachproben und Hauptzüge der Grammatik. Helsinki, 1944.
- EDAL – Starostin S.A., Dybo A.V., Mudrak O.A. An Etymological Dictionary of Altaic Languages. Leiden, 2003.

- EWUng. – Etymologisches Wörterbuch des Ungarischen. Bd. I-III. Budapest 1992-1997.
- Helimski 1997 – Helimski E. Die Matorische Sprache. Wörterverzeichnis - Grundzüge der Grammatik - Sprachgeschichte. Szeged, 1997.
- Helimski 2007 (1) – Селькупские словарные материалы на сайте www.helimski.com
- Itkonen 1986-1991 – Itkonen E. Inarilappisches Wörterbuch, I-IV. Helsinki, 1986-1991.
- Janhunen 1981 – Janhunen J. Uralilaisen kantakielen sanastosta // JSFOu, B. 77, S. 219-274.
- Munkácsi 1986 – Munkácsi B. Wogulisches Wörterbuch. Budapest, 1986.
- Paasonen 1900–1996 – Paasonen H. Mordwinisches Wörterbuch, I-IV, Helsinki, 1994.
- Pusztay 1988 – Pusztay J. Sibirien – Schmelztiegel von Sprachen? // Specimina Sibirica 1, Savariae, 1988.
- Pusztay 1990 – Pusztay J. Zur Herausbildung des Protouralischen Sibirien // Specimina Sibirica 3, Savariae, 1990.
- Pusztay 1995 – Pusztay J. Diskussionsbeiträge zur Grundsprachenforschung (Beispiel: das Protouralische), Wiesbaden, 1995.
- Pusztay 1996 – Pusztay J. Zur Entwicklungsgeschichte des Ungarischen // Uralic languages in European and Siberian linguistic context. Tartu, 1996.
- Pusztay 1998 – Pusztay J. On the development of the Hungarian language // Specimina Sibirica 14, Savariae, 1998.
- Räsänen 1955 – Räsänen M. Uralaltaische Wortforschungen. Helsinki, 1955.
- Räsänen 1920 – Räsänen M. Die tschuwassische Lehnwörter im Tscheremissischen. Helsinki, 1920 (MSFOu 48).
- Róna-Tas 1983 – Róna-Tas A. De hypothesi Uralo-Altaica // Symposium saeculare Societatis Fenno-Ugricae (MSFOu 185), 1983.
- Róna-Tas 1988 – Róna-Tas A. Turkic Influence on the Uralic Languages // The Uralic Languages: Description, History, and Foreign Influences. Brill, 1988.
- Sammallahti, Nickel 2006 – Sammallahti P., Nickel K.P. Saamisch-deutsches Wörterbuch. Oslo 2006.
- Sinor 1948 – Sinor D. Le probleme de la parenté des langues ouralo-altaïques // Revue de geographie et d'ethnographie, 1, 1948.
- Sinor 1988 – Sinor D. The Problem of Ural-Altai relationship // The Uralic Languages: Description, History, and Foreign Influences. Brill, 1988.
- SSA – Suomen Sanojen Alkuperä. Etymologien sanakirja I-III. Helsinki, 1992
- Stachowski 2001 – Stachowski M. Uralistik und Türkologie - geschieden oder doch verliebt // Vade mecum! A huszonötödik óra. Szombathely, 2001.
- SW – Janhunen J. Samojedischer Wortschatz. Gemeinsamojedische Etymologien. Helsinki 1977 (Castrenianumin toimitteita. 17).
- UEW – Rédei K. Uralisches etymologisches Wörterbuch. Budapest, 1986-1989.
- Winkler 1884 – Winkler H. Uralaltaische Voelker und Sprachen. Berlin, 1884.
- Winkler 1909 – Winkler H. Der Uralaltaische Sprachstamm, das Finnische und das Japanische. Berlin, 1909.
- Winkler 1915 – Winkler H. Tungussisch und Finnischugrisch // JSFU XXX, 9. 1915.